

◇ ДЖЕЙМС КРЮС ◇

ТИМ ТАЛЕР,

ИЛИ

ПРОДАННЫЙ

СМЕХ

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)6
К85

Перевод с немецкого Александры Исаевой

Крюс, Джеймс.

К85 Тим Талер, или Проданный смех : [сказочно-философ. повесть] : [для сред. шк. возраста : 12+] / Джеймс Крюс ; [пер. с нем. А. Исаевой] ; ил. А. Ломаева. — 8-е изд., стереотип. — М. : КомпасГид, 2019. — 320 с. : ил.
ISBN 978-5-00083-621-7

Джеймс Крюс написал свою знаменитую подростковую повесть «Тим Талер, или Проданный смех» в далёком 1962 году. Но, читая её сейчас, поверить в это практически невозможно — настолько современным кажется не только сюжет, но и язык, которым написана книга. Это действительно та самая классика, которая не устаревает с годами. На этой повести выросло не одно поколение читателей, по ней не раз снимались фильмы, в том числе всем известный советский «Проданный смех» (1981), и сегодняшние родители наверняка захотят поговорить с детьми о книге своего детства и поделиться собственными впечатлениями.

Место действия — Германия 1930-х годов. Четырнадцатилетний Тим Талер, несмотря на свой юный возраст, по горло сыт испытаниями, которые ему посылает судьба: сначала умирает его любимая мать, вслед за ней отец, и Тим остаётся наедине с мачехой и сводным братом, которые только и делают, что портят ему жизнь. Но Тима так просто не сломить: он умеет звонко и заразительно смеяться, смех — его главное оружие против бед, которое не только ему кажется бесценным... Как-то раз таинственный незнакомец — некий барон Трёч — предлагает ему сделку: Тим отдаёт барону свой смех, а взамен получает дар выигрывать любое, пусть даже самое невероятное пари. Он с радостью соглашается. Заполучив себе новый талант, Тим постоянно выигрывает на скачках и богатеет на глазах. Теперь он может путешествовать и вообще делать всё, что ему вздумается. Кажется бы, он должен быть счастлив, но ему отчаянно не хватает одного — его проданного смеха. Но как получить его назад? Тут могли бы помочь друзья, но если Тим расскажет кому-нибудь о своём несчастье, он не только не вернёт свой смех, но и утратит дар выигрывать пари...

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)6

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

Original title: Timm Thaler oder Das verkaufte Lachen, by James Krüss

- © Verlag Friedrich Oetinger, Hamburg 1962
- © Исаева А., перевод, 1989
- © Ломаев А. Я., иллюстрации, 2001
- © ООО «Издательский дом «КомпасГид», издание на русском языке, 2014

ISBN 978-5-00083-621-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТИМ ТАЛЕР, ИЛИ ПРОДАННЫЙ СМЕХ	7
КНИГА ПЕРВАЯ. ПОТЕРЯННЫЙ СМЕХ.....	9
<i>Лист первый</i> МАЛЬЧИК ИЗ ПЕРЕУЛКА.....	11
<i>Лист второй</i> ГОСПОДИН В КЛЕТЧАТОМ.....	20
<i>Лист третий</i> ВЫИГРЫШ И ПРОИГРЫШ.....	28
<i>Лист четвёртый</i> ПРОДАННЫЙ СМЕХ	34
<i>Лист пятый</i> ДОПРОС	46
<i>Лист шестой</i> МАЛЕНЬКИЙ МИЛЛИОНЕР.....	52
<i>Лист седьмой</i> БЕДНЫЙ БОГАЧ	58
<i>Лист восьмой</i> ПОСЛЕДНЕЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ	66
<i>Лист девятый</i> ГОСПОДИН РИКЕРТ	73
<i>Лист десятый</i> КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР	81
КНИГА ВТОРАЯ. ШТОРМ И ШТИЛЬ	93
<i>Лист одиннадцатый</i> ЗЛОВЕЩИЙ БАРОН.....	95
<i>Лист двенадцатый</i> КРЕШИМИР	103
<i>Лист тринадцатый</i> ШТОРМ	112
<i>Лист четырнадцатый</i> ПАРИ, КОТОРОЕ НЕВОЗМОЖНО ВЫИГРАТЬ.....	118
<i>Лист пятнадцатый</i> СУМАТОХА В ГЕНУЕ.....	124
<i>Лист шестнадцатый</i> РАЗБИТАЯ ЛЮСТРА	134
<i>Лист семнадцатый</i> БОГАТЫЙ НАСЛЕДНИК	142
<i>Лист восемнадцатый</i> В ПАЛАЦЦО КАНДИДО.....	149
<i>Лист девятнадцатый</i> ДЖОННИ	157
<i>Лист двадцатый</i> ЯСНЫЙ ДЕНЬ В АФИНАХ	168

КНИГА ТРЕТЬЯ. ЛАБИРИНТ	179
<i>Лист двадцать первый</i> ЗАМОК В МЕСОПОТАМИИ.....	181
<i>Лист двадцать второй</i> СИНЬОР ВАН ДЕР ТОЛЕН	190
<i>Лист двадцать третий</i> ЗАСЕДАНИЕ	197
<i>Лист двадцать четвёртый</i> ЗАБЫТЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ.....	205
<i>Лист двадцать пятый</i> В КРАСНОМ ПАВИЛЬОНЕ	213
<i>Лист двадцать шестой</i> МАРГАРИН	223
КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ. ВОЗВРАЩЁННЫЙ СМЕХ.....	239
<i>Лист двадцать седьмой</i> ГОД В ПОЛЁТЕ.....	241
<i>Лист двадцать восьмой</i> ВСТРЕЧА БЕЗ ПОЧЕСТЕЙ	249
<i>Лист двадцать девятый</i> ЗАБЫТЫЕ ЛИЦА	258
<i>Лист тридцатый</i> БУМАГИ	269
<i>Лист тридцать первый</i> ТАИНСТВЕННАЯ ЗАПИСКА.....	278
<i>Лист тридцать второй</i> ЧЁРНЫЙ ХОД И ЗАДВОРКИ.....	288
<i>Лист тридцать третий</i> ВОЗВРАЩЁННЫЙ СМЕХ	305

ТИМ ТАЛЕР, ИЛИ ПРОДАННЫЙ СМЕХ

Дорогие маленькие и большие читатели!

В этой книге говорится про смех и про деньги.

Смех объединяет людей всего мира. И в московском метро, и в нью-йоркском смеются точно так же, как в парижском. Остроумной шутке так же весело улыбнутся в Токио, Каире и Праге, как в Мадриде, Копенгагене и Стокгольме. К настоящим богатствам, таким как счастье, мир, человечность, деньги никакого отношения не имеют. А вот смех имеет, да ещё какое!

Когда кто-нибудь вот так, как в этой книге, променяет свой смех на деньги, это очень печально. Ведь это значит, что он променял настоящее богатство на фальшивое — счастье на роскошь, и пожертвовал свободой, которую дарит нам смех. Смейтесь, дорогие читатели, над теми, кто считает, что всё на свете продаётся за деньги, и их оружие заржавеет и придёт в негодность!

А теперь запаситесь вниманием и терпением, и вы узнаете, какой трудный, запутанный и горький путь прошёл один мальчик — звали его Тим Талер — прежде чем понял, как дорог смех и даже самая обыкновенная улыбка.

Джеймс Крюс

Эту историю рассказал мне один человек лет пятидесяти; я познакомился с ним в Лейпциге, в типографии, куда он так же, как и я, заходил узнавать, подвигается ли дело с печатанием его книги. (Речь в этой книге, если не ошибаюсь, шла о кукольном театре.) Человек этот поразил меня тем, что, несмотря на свой возраст, смеялся так сердечно и заразительно, словно десятилетний мальчик.

Кто был этот человек, я могу только догадываться. И рассказчик, и время действия, и многое другое в этой истории так и осталось для меня загадкой. (Впрочем, судя по некоторым приметам, главные её события развернулись около 1930 года.)

Мне хотелось бы упомянуть, что записывал я эту историю в перерывах между работой на оборотной стороне бракованных гранок — длинных-предлинных листов второсортной бумаги. Потому и книга разделена не на главы, а на «листы», но листы эти, собственно говоря, и есть не что иное, как главы.

И ещё одно предупреждение: хотя в этой книге говорится про смех, смеяться читателю придётся не так уж часто. Но, пробираясь её путями сквозь темноту, он будет, сколько бы ни кружил, всё ближе и ближе подходить к свету.

• КНИГА ПЕРВАЯ •

ПОТЕРЯННЫЙ СМЕХ

Что ж, по рукам, король! Но, право, верь,
Смех означает: человек не зверь
Так человек природой награждён
Когда смешно, смеяться может он!

*Из пролога кукольной комедии
«Гусь, гусь – приклеюсь, как возьмусь!»*

Лист первый

МАЛЬЧИК ИЗ ПЕРЕУЛКА

В больших городах с широкими улицами и теперь ещё встречаются переулки такие узкие, что можно, высунувшись из окошка, пожать руку соседу из окошка

напротив. Иностранные туристы, которые путешествуют по свету с большим запасом денег и чувств, случайно очутившись в таком переулочке, всегда восклицают: «Как живописно!» А дамы вздыхают: «Какая идиллия! Какая романтика!» Но эта идиллия и романтика — одна видимость, потому что в таких переулках обычно живут люди, у которых совсем мало денег. А тот, у кого в большом богатом городе так мало денег, нередко становится угрюмым и завистливым. И дело тут не только в людях — тут дело в самих переулках.

Маленький Тим поселился в таком переулке, когда ему было три года. Его весёлая круглолицая мама тогда уже умерла, а отцу пришлось наняться подсобным рабочим на стройку, потому что в те времена не так-то легко было найти хоть какую-нибудь работу. И вот отец с сыном переехали из светлой комнаты с окнами на городской сад в узкий переулок, вымощенный булыжником, где всегда пахло перцем, тмином и анисом: в переулке этом стояла единственная во всём городе мельница, на которой мололи пряности. Вскоре у Тима появилась худощавая мачеха, похожая на мышь, да ещё сводный брат, наглый, избалованный и такой бледный, словно лицо ему вымазали мелом.

Хотя Тиму только исполнилось три года, он был крепким и вполне самостоятельным пареньком, мог без всякой посторонней помощи управлять океанским пароходом из табуреток и автомашиной из диванных подушек и на редкость заразительно смеялся. Когда его мама была ещё жива, она хохотала до слёз, слушая, как Тим, пустившись в далёкое путешествие по воде и по суше на своих подушках и табуретках, весело

выкрикивает: «Ту-ту-ту! Стоп! Аме-е-ерика!» А от ма- чехи он за то же самое получал шлепки и колотушки. И понять этого Тим не мог.

Да и сводного брата Эрвина он понимал с трудом. Свою братскую любовь тот проявлял весьма странным способом: то кидался щепками для растопки, то мазал Тима сажей, чернилами или сливовым джемом. И уж со- всем непонятно было, почему доставалось за это не Эр- вину, а Тиму. Из-за всех этих непонятных вещей, при- ключившихся с ним на новой квартире в переулке, Тим почти совсем разучился смеяться. Только когда отец бывал дома, звучал ещё иногда его тоненький, заливи- стый, захлёбывающийся смех.

Но чаще всего отца Тима не было дома. Стройка, на которую он нанялся, находилась на другом конце города, и почти всё свободное время уходило у него на дорогу. Он и женился-то во второй раз главным об- разом для того, чтобы Тим не сидел целый день дома один. Только по воскресеньям ему удавалось теперь побывать вдвоём со своим сыном. В этот день он брал Тима за руку и говорил жене:

— Мы пошли гулять.

Но на самом деле он шёл вместе с Тимом на иппо- дром и ставил на какую-нибудь лошадь, совсем немного, мелочишку, то, что удалось скопить за неделю поти- хоньку от жены. Он мечтал, что в один прекрасный день выиграет целую кучу денег и опять переберётся с семьёй из узкого переулка в светлую квартиру. Но, как и многие другие, он напрасно надеялся на вы- игрыш. Почти всякий раз он проигрывал, а если и вы- игрывал, то денег едва хватало на кружку пива, на трам- вай да на кулёк леденцов для Тима.

Тиму скачки не доставляли особого удовольствия. Лошади и наездники мелькали так далеко и так быстро проносились мимо, а впереди всегда стояло много людей, что, даже сидя на плечах у отца, он почти ничего не успевал разглядеть.

Но хотя Тиму было мало дела и до лошадей, и до наездников, он очень скоро разобрался в том, что такое скачки. Когда он ехал с отцом домой на трамвае, держа в руках кулёк с разноцветными леденцами, это значило, что они выиграли. Когда же отец сажал его на плечи и они отправлялись домой пешком, это значило, что они проиграли.

Тиму было всё равно, выиграли они или проиграли. Ему так же весело было сидеть на плечах у отца, как и ехать в трамвае — даже, по правде сказать, ещё веселее.

А самое весёлое было то, что сегодня воскресенье и они вдвоём, а Эрвин с мачехой далеко-далеко, так далеко, словно их и вовсе нет на свете.

Но, к сожалению, кроме воскресенья, в неделе ещё целых шесть дней. И все эти дни Тиму жилось так, как тем детям в сказках, у которых злая мачеха. Только немного похуже, потому что сказка — это сказка: начинается она на первой странице и кончается, ну, скажем, на двенадцатой. А такое вот мучение изо дня в день целый год, да ещё не один год, а много лет подряд, — попробуй-ка его вытерпи! Тим так привык упорствовать, дерзить, стоять на своём, что, не будь на свете воскресений, он наверняка — просто из одного упрямства — превратился бы в отпетого сорванца и грубияна. Но так как, к счастью, воскресенье всё-таки есть на свете, он остался обыкновенным мальчиком. Даже смех его звучал по-прежнему: он словно подымался

откуда-то из глубины и заканчивался счастливым, захлёбывающимся смешком.

Правда, его смех раздавался теперь всё реже и реже. Тим стал замкнутым и гордым, невероятно гордым. Только так он и мог защищаться от нападок мачехи, пилившей его весь день без передышки, хотя иной раз и без всякого злого умысла.

Тим очень радовался, когда пошёл в школу. Теперь он с раннего утра до самого обеда был вдали от своего переулка — не за полкилометра, а за тридевять земель. Здесь в свой первый учебный год он стал снова часто смеяться, и, случалось, учитель, взглянув на него, забывал, за что собирался сделать ему замечание. Теперь Тим и сам старался помириться с мачехой. Стоило ей разок похвалить его за то, что он притащил один тяжёлую сумку картошки, и он чувствовал себя совершенно счастливым, становился покладистым и стоворчивым и готов был помогать ей с утра до вечера. Но, снова получив нагоняй, он опять замыкался, мрачнел и надевал маску гордеца. Тогда к нему было не подступиться.

Ссоры с мачехой сказывались на его школьных занятиях. Тим, хоть и был куда сметливее многих в классе, часто получал отметки хуже других ребят, потому что невнимательно слушал, когда учитель объяснял урок. И ещё из-за домашних заданий.

Делать дома уроки ему было очень трудно. Только он садился со своей грифельной доской за кухонный стол, как появлялась мачеха и прогоняла его в детскую — комнату, где он спал вместе с Эрвином. Но детская была царством его сводного брата, а тот ни на секунду не оставлял Тима в покое: то требовал, чтобы Тим с ним играл, и злился, когда тот отказывался;

то расставлял на столе свой конструктор, и Тиму даже некуда было положить тетрадку. Как-то раз Тим, окончательно выведенный из терпения, укусил Эрвина за руку. Это не прошло ему даром. Увидев кровь на руке своего любимца, мачеха принялась вопить, что Тим преступник, коварный злодей, разбойник с большой дороги. Отец не проронил за ужином ни единого слова. С этого дня Тим перестал бороться со сводным братом и готовил уроки, пробравшись тайком в спальню родителей. Но Эрвин выследил его и донёс, а одна из заповедей мачехи гласила: «В спальне родителей детям делать нечего!»

Теперь Тиму ничего не оставалось, как готовить уроки в обществе Эрвина. Если тот занимал единственный столик, стоявший в комнате, Тим садился на кровать и писал, положив тетрадку на тумбочку. Но сидел ли он за столом или примостившись у тумбочки, он всё равно, как ни старался, не мог сосредоточиться на задаче. Только по средам, когда Эрвин ходил в школу во вторую смену, Тиму удавалось сделать уроки так, как ему хотелось. А ему хотелось, чтобы учитель остался им доволен. Да и вообще ему хотелось жить в дружбе и добром согласии со всем миром.

Но, как это ни печально, его домашние работы с каждым годом нравились учителю всё меньше и меньше. «Светлая голова, — говорил учитель, — но лентяй и совершенно не собран». Как он мог догадаться, что Тиму приходится каждый день заново отвоёвывать себе место для приготовления уроков? Тим не рассказывал ему об этом: он был уверен, что учитель и сам всё знает. Так случилось, что и школа подсказала Тиму всё тот же грустный вывод: жизнь

непонятна, а все взрослые — конечно, за исключением его отца — несправедливы.

Но и этот единственный справедливый человек его покинул. Через четыре года после того, как Тим в первый раз пошёл в школу — все эти годы он с трудом перебирался из класса в класс, — отец погиб на стройке: на него свалилась доска, упавшая с огромной высоты.

Это было самое непостижимое из всего, что случилось до сих пор в жизни Тима.

Сначала он просто не хотел этому верить. Только в день похорон, когда красная, зарёванная мачеха дала ему пощёчину за то, что он забыл почистить её туфли, он вдруг ясно понял, как он теперь одинок.

Ведь сегодня было воскресенье.

В этот день Тим впервые заплакал. Он плакал об отце, и о себе, и о том, как плохо устроен мир, и сквозь плач он услышал, как мачеха в первый раз сказала: «Прости меня, Тим».

Час, проведённый на кладбище, был словно дурной сон, который хочешь поскорее забыть и от которого остаётся лишь смутное, щемящее чувство. Тим ненавидел всех этих людей, стоявших вокруг него и говоривших что-то, и певших, и читавших молитвы. Его раздражала плаксивая болтовня мачехи, тут же переходившая в причитания, если кто-нибудь приближался к ней, чтобы выразить «глубочайшее соболезнование». Он был один со своим горем и не хотел делить его ни с кем. И как только толпа начала расходиться, он тут же убежал.

Без всякой цели бродил Тим по улицам, и когда он очутился возле городского сада и прошёл мимо окон той квартиры, где совсем ещё маленьким смеялся

и кричал: «Ту-ту-ту!», его охватило такое отчаяние, что ему чуть не стало дурно.

Из окна его прежней комнаты выглянула чужая девочка с нарядной куклой на руках и, заметив, что Тим смотрит в её сторону, показала ему язык. Тим быстро пошёл дальше.

«Если бы у меня было очень много денег, — думал он, бродя по улицам, — я снял бы большую квартиру, у меня была бы там отдельная комната и каждый день я давал бы Эрвину на карманные расходы, сколько он ни попросит. А мать могла бы покупать себе всё, что захочет».

Но это были только мечты, и Тим это знал.

Сам того не замечая, он шагал теперь в сторону ипподрома, туда, где проводил раньше с отцом счастливые воскресенья. Когда отец был ещё жив.

Лист второй

ГОСПОДИН В КЛЕТЧАТОМ

Тим добрался до ипподрома, когда первый заезд уже близился к концу. Зрители кричали и свистели, выкликая всё громче, всё чаще одно только имя — Ветер.

Тим стоял, с трудом переводя дыхание: во-первых, он только что бежал, а во-вторых, ему вдруг показалось, что где-то тут, среди этих кричащих и аплодирующих людей, стоит и его отец. У него неожиданно возникло чувство, что здесь он у себя дома. Это было то место, где он всегда оставался наедине с отцом. Без мачехи и без Эрвина. Все воскресенья, проведённые с отцом, стоял он в этой толпе, среди шума и выкриков. На душе у Тима стало вдруг удивительно спокойно, почти весело.

И когда ликующая толпа внезапно выкрикнула многоголосым хором: «Ветер!» — Тим даже рассмеялся своим звонким, заливистым смехом. Он вспомнил, как отец однажды сказал: «Ветер ещё слишком молод, Тим. Но вот увидишь, придёт день, когда о нём заговорят».

И сегодня о нём заговорили. Но отец этого уже не слышит. Тим и сам не знал, чему он рассмеялся, но он и не задумывался над этим. Он был ещё не в том возрасте, когда люди много размышляют о самих себе и о своих поступках.

Какой-то человек, стоявший неподалёку от Тима, услышав его смех, резко повернул голову и принялся внимательно его разглядывать, задумчиво поглаживая рукой свой длинный подбородок. Затем, словно внезапно решившись, он направился прямо к Тиму, но, приблизившись к нему, быстро прошёл мимо, наступив ему при этом на ногу.

— Прости, малыш, — сказал он, не останавливаясь, — я нечаянно!

— Ничего, — улыбнулся Тим, — всё равно у меня ботинки грязные.

Говоря это, он взглянул себе под ноги и вдруг увидел в траве блестящую монетку в пять марок. Человек быстрым шагом уходил всё дальше и дальше; поблизости никого больше не было. Тим поспешно наступил на монету, оглянулся по сторонам и, сделав вид, что хочет завязать шнурок, украдкой поднял её и сунул в карман.

Потом, стараясь идти как можно медленней, он пошёл в сторону выхода. Вдруг какой-то длинный, худощавый господин в клетчатом костюме остановил его и спросил:

— Ну что, Тим, хочешь поставить на какую-нибудь лошадку?